

Системная единичность: системное видение Черта в романе Ф.М.Достоевского

«Братья Карамазовы»¹.

Вскрытые Бахтиным идеи полифонии в творчестве Достоевского в свете системного подхода я бы рискнул назвать единичной системностью. При такого рода системном подходе акцент делается на единичные объекты, имеющую развитую структуру системы, которые, локально взаимодействуя с другими системами в рамках данных условий, формируют целостное развитие надсистемы. Иной подход к видению системы в целом связан с акцентом на единый критерий системы, согласно которому демиург направляет действия каждого объекта: последний в данном случае выступает как подсистема.

Приводимая ниже цитата подтверждает, что именно как единичную системность (хотя и в других терминах), понимал Бахтин полифоничность Достоевского:

«Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно являются основной особенностью романов Достоевского. Не множество характеров и судеб в едином объективном мире в свете единого авторского сознания развертывается в его произведениях, но именно множественность равноправных сознаний с их мирами сочетается здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события.»²

В данной работе я хотел бы обратить внимание на другой ракурс системных исследований, который можно было бы назвать «системной единичностью». В этом случае во главу ставится единичный объект и акцент делается на системном его видении как такового. Это предполагает его анализ с функциональной, структурной, процессуальной и генетической точек зрения, представляющих собой

¹ Все приведенные ниже цитаты из романа даны по 15 тому полного собрания сочинений Ф.М.Достоевского, Ленинград, Наука, 1976.

² Бахтин, М., «Проблемы поэтики Достоевского», Москва, Изд-во «Художественная литература», 1972, стр.7.

соответствующие размерности, т.е. независимые переменные. При этом наличие всех аспектов отнюдь не означает, что всегда существует жесткий порядок последовательности их рассмотрения и что каждый из них может в данном исследовании использоваться только единожды.

В качестве своего предмета исследования я выбрал Черта таким как его видит Достоевский в главе «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» или в т.н. «Разговоре Ивана с Чертом». Естественно, что для полифониста Достоевский интересующая меня тема о природе Черта не есть суть позиция автора или всех его участников. В данном случае феномен Черта рассматривается на основе позиции одного из персонажей романа – рационалиста Ивана Карамазова.

Изложение материала я начну со структурного аспекта с тем, чтобы выявить некоторые общие черты Черта, затем подробнее покажу его функциональную роль, вернусь вновь к его структуре, но уже более конкретной, и завершу кратким изложением процессуального его аспекта и генезиса.

Структурный аспект.

Первый вопрос, который здесь возникает, заключается в следующем: «Существует ли Черт как онтологическое образование или Черт всего лишь человеческие представления, метафоры, отражающие видение человеком мира?» Второй вопрос связан с тем «Является ли Черт системой или ее частью, т.е. существует ли Черт, независимо от Бога, определяет ли он наряду с Богом развитие мира или Черт лишь другая сторона Бога?»

Как видно из приводимый ниже матрицы, возможны четыре ответа на эти два вопроса.

Существование или призрачность Черта	Единство или раздельность Бога и Черта	
	Единство	Раздельность
Существует	11	12
Мираж	21	22

Достоевский выбирает два из них как конфликтующие в возбужденном уме Ивана. В одном из ответов Иван представляет Черта как воображение и один из борющихся в одном человеке двух противоположных взглядов (21), в другом – существование Черта как независимого объекта, противоположного Богу (12).

« Ни одной минуты не принимаю тебя на реальную правду.» как-то яростно даже вскричал Иван. «Ты лжешь, ты болезнь моя, мой призрак. Я только не знаю, чем тебя истребить, и вижу, что некоторое время надобно пострадать. Ты моя галлюцинация. Ты воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых. С этой стороны ты мог бы быть даже мне любопытен, если бы только мне было время с тобой возиться...» (стр.72).

Вместе с тем Иван где-то воспринимает Черта и как некоторую реальность.

«По азарту, с каким ты отвергаешь меня.» засмеялся джентельмен, «я убеждаюсь, что ты все-таки в меня веришь.
...Ни одной минуты» – яростно вскричал Иван. « Я, впрочем, желал бы в тебя поверить» – странно вдруг прибавил он. (стр.79).

С системной точки зрения мне далее интересно рассмотреть данный Достоевским портрет Черта как некоторой независимой и противопоставляемой Богу сущность.

Функциональный аспект.

Однозначно, что функция Черта творить зло. Но неоднозначно к чему будет относиться зло. Обычно зло, идущее от Черта, ассоциируется с греховным поведением, всевозможными искушениями. Однако мне представляется, что Черт у Достоевского творит зло по другой причине. Перед как раскрыть эту причину, я хотел бы напомнить Читателю, что развитие любой системы можно рассматривать

как функцию, определяемой двумя переменными: многообразием (дифференциация) и упорядочением (интеграция).

Соотношение между этими переменными, в свою очередь, связано с вопросом о превалировании, точнее исходности той или иной переменной. Здесь могут быть два разных подхода. Первый построен на предположении, что исходным является изменение уровня многообразия, второй – изменение уровня интеграции.

С точки зрения функциональной роли Черт выведен как отрицающий имеющееся, создатель нового, усиливающий многообразие. При этом создание этого нового происходит неожиданно. Оно противопоставляется ограниченному размеренному земному порядку.

«Каким-то довременным назначением, которого я никогда разобрать не мог, я определен «отрицать», между тем я искренно добр и к отрицанию совсем не способен. Нет, ступай отрицать, без отрицания-де не будет критики, а какой же журнал, если нет «отделения критики»? Без критики будет одна «осанна». Но для жизни мало одной «осанны», надо, чтоб «осанна»-то эта переходила через горнило сомнений, ну и так далее, в этом роде. Я, впрочем, во все это не ввязываюсь, не я сотворял, не я и в ответе. Ну и выбрали козла отпущения, заставили писать в отделении критики, и получилась жизнь. Мы эту комедию понимаем: я, например, прямо и просто требую себе уничтожения. Нет, живи, говорят, потому что без тебя ничего не будет. Если бы на земле было все благоразумно, то ничего бы и не произошло. Без тебя не будет никаких происшествий, а надо, чтобы были происшествия. Вот и служу скрепя сердце, чтоб были происшествия, и творю неразумное по приказу.» (стр.77).

В таком функциональном изображении Черта Достоевский схватывает конфликт во взглядах на развивающийся мир между здравым смыслом и более изощренным осознанием. С точки зрения здравого смысла кажется, что все должно быть упорядочено, а если и будут изменения, то они должны быть предвидимы и вложены в этот порядок. Отсюда и соответствующие мечты Черта:

« Введь я и сам, как и ты же, страдаю от фантастического, а потому и люблю ваш земной реализм.

Тут у вас все очерчено, тут формула, тут геометрия, а у нас все какие-то неопределенные уравнения. Я здесь хожу и мечтаю. Я люблю мечтать. К тому же на земле я становлюсь суеверен – не смейся, пожалуйста: мне именно это-то и нравится, что я становлюсь суеверен. Я здесь все ваши привычки принимаю: я в баню торговую полюбил ходить, можешь ты это представить, и люблю с купцами и попами париться. Моя мечта это –

воплотиться, но чтоб уж окончательно, безвозвратно, в какую-нибудь толстую семипудовую купчиху и всему поверить, во что она верит. Мой идеал – войти в церковь и поставить свечку от чистого сердца, ей-богу так. Тогда предел моим страданиям.» (стр. 73–74).

Существованием Черта подчеркивается неполнота и противоречивость развивающегося мира, которая и выражается в отсутствии полной гарантии, что имеющееся дано навеки, что все заранее может быть предвидено и никаких происшествий не может случиться, что для развития мира в основе должно быть непредвиденное изменение, а затем уже его упорядочение. Именно таков Черт Достоевского. И этот Черт противопоставляется Гетевскому Мефистофелю.

«Мефистофель, явившись к Фаусту, засвидетельствовал о себе, что он хочет зла, а делает лишь добро. Ну, это как ему угодно, я же совершенно напротив. Я, может быть, единственный человек во всей природе, который любит истину и искренно желает добра.» (стр.82).

Рассматриваемая интерпретация Черта приводит, далее, к постановке вопроса о различии в типах личностей и социальных систем. Можно видеть тип людей, для которых самое существенное, исходное – это непредвиденная изменчивость, а затем уже ее упорядочение. Другой тип людей вообще не признает непредвиденную изменчивость, а если уже и признает изменчивость, то прежде всего упорядоченную; вообще для них порядок превыше всего.

Указанному типу людей соответствует и определенные системы ценностей. Первый из них ценит неожиданность, томиться от скуки привычного и неохотимости упорядочивать; другой – наслаждается неизменностью и упорядоченностью. Аналогично имеются общества, в которых ценится неупорядоченная новизна, как к примеру, США, и общества предельного соблюдения порядка (подчас даже с запретом новаторства), возведенного в ритуал, как в африкано-азиатских племенах.

Можно полагать, что за отмеченными системами ценностей имеются и биологические основания. Наличие неполноты и противоречивости в

процессах развития мира и в творчестве человека могло в ходе биологической эволюции породить в нем такую эмоциональную систему, при которой активность жизни, создание нового неожиданного и связанная с этим напряженность сопровождались соответствующими положительными эмоциями. И «чертовщина» в характере человека как раз и имеет смысл положительной оценки такого рода непредвиденных изменений. Конечно, такого рода неожиданные изменения вносят и немало трудностей, порождая соответствующие отрицательные эмоции. Но для развития человека нужны и положительные и отрицательные эмоции и, конечно, важен баланс между ними.

Именно на эту роль отрицательных эмоций и обращает внимание Достоевский в одном из мест разговора Ивана с Чертом.

«... Люди принимают всю эту комедию за нечто серьезное, даже при всем своем бесспорном уме. В этом их и трагедия. Ну и страдают, конечно, но ... все же зато живут, живут реально, не фантастически, ибо страдание – то и есть жизнь. Без страдания какое было бы в ней удовольствие – все обратилось бы в один бесконечный молебен: оно свято, но скучновато. Ну а я? Я страдаю, а все же живу.» (стр.77).

Разумеется, что сила тех или иных положительных или отрицательных эмоций у людей разная. Вот почему Черт, если его интерпретировать как источник неожиданных изменений, будет оцениваться разными типами людей по-разному.

Структурный подход.

Вернемся опять к структурному подходу в рамках определенной выше общей структуры Черта и с учетом его функций. Черт теперь представляется как компонента неопределенного уравнения, которая ни качественно, ни количественно не задана. Так в одном из своих монологов Черт говорит Ивану:

«Я икс в неопределенном уравнении. Я какой-то призрак жизни, который потерял все концы и начала, и даже сам позабыл наконец, как и назвать себя.»(стр. 77).

Таким образом Черт представляется той компонентой мироздания, которая не позволяет создавать полностью законченную непротиворечивую во всех частях картину мира.

Вместе с тем эта абстрактная неопределенность Черта может воплощаться самым различным образом. И Достоевский показывает эти модификации Черта. Он должен быть злом, но отнюдь не обязательно гротескным. Поскольку Черт, как вносящий неожиданные изменения, зло для обыденного человека, который предпочитает размеренность, то и сам Черт может принимать самые обыденные формы, которые характерны для людей, вызывающих в обществе отрицательные эмоции. В частности, таким типом может быть приживальщик. Именно в самом начале своего повествования о разговоре Ивана с Чертом Достоевский рисует последнего в облике такого рода приживальщика, подробно выписывая детали его внешнего вида вплоть до одежды. Да, и сам Черт говорит о себе:

«Кто ж я на земле, как не приживальщик?» (стр.61).

Процессуальный подход.

С процессуальной точки зрения Черт представлен как субъект, которым движет конфликт между стремлением к добру и обязанностью только функционировать, создавая пакости.

« И вот, клянусь же всем, что есть свято, я хотел примкнуть к хору и крикнуть со всеми: «Осанна». Уже слетало, уже рвалось из груди... я ведь, ты знаешь, очень чувствителен и художественно восприимчив. Но здравый смысл – о, самое несчастное свойство моей природы – удержал меня и тут в должных границах, и я пропустил мгновение! Ибо что же, – подумал я в ту же минуту, – что же бы вышло после моей-то «осанны»? Тотчас бы все угасло на свете и не стало бы случаться никаких происшествий. И вот единственно по долгу службы и по социальному моему положению я принужден был задавить в себе хороший момент и остаться при пакостях. Честь добра кто-то берет всю себе, а мне оставлены в удел только пакости. Но я не завидую чести

жить на шаромыжку, я не честолюбив. Почему изо всех существ в мире только я лишь один обречен на проклятия ото всех порядочных людей и даже на пинки сапогами, ибо, воплощаясь, должен принимать иной раз и такие последствия? Я ведь знаю, тут есть секрет, но секрет мне ни за что не хотят открыть, потому что я, пожалуй, тогда, догадавшись в чем дело, рявкну «осанну», и тотчас исчезнет необходимый минус и начнется во всем мире благообразие, а с ним, разумеется, и конец всему, даже газетам и журналам, потому что кто же на них тогда станет подписываться. Я ведь знаю, в конце концов я помирюсь, дойду и я мой квадриллион и узнаю секрет. Но пока это произойдет, будирую и скрепя сердце исполняю мое назначение: губить тысячи... чтобы спастся один». (стр.82).

Генезис Черта.

Прежде всего для происхождения Черта характерно, что оно неясно, но представляется довременным. Если отрицать и созидать является сутью развития, то тогда Черт существует еще «до развития», создавая тем самым возможность его появления.

«Каким-то там довременным назначением, которого я никогда разобрать не мог, я определен «отрицать», между тем я искренно добр и к отрицанию совсем не способен.» (стр.77).

Что же Черт не может разобрать в своем прошлом? Какого типа создание могло быть выбрано для выполнения такого рода функции. Был ли это падший ангел или какое-то другое существо? И вообще влияет ли само происхождение на выполняемые Чертом функции. И ответы на эти вопросы таковы:

« ... обыкновенно в обществе принято за аксиому, что я падший ангел. Ей-богу, не могу представить, каким образом я мог быть когда-нибудь ангелом. Если и был когда, то так давно, что не грешно и забыть.» (стр. 73).

Таким образом, если теперь синтезировать различные аспекты представления Достоевским Черта через рационалиста Ивана, то можно сказать следующее. Черт по своей структуре – это по преимуществу воображение, олицетворяющее определенную сторону единой человеческой природы. Вместе с тем для резкого выражения этой позиции Черт представлен и как бытие, отделенное от Бога. Функция Черта– это создавать неожиданным образом новшества. Тем самым он формирует противоречия, положительные и отрицательные стороны которого находят отражение в

эмоциональном строе человека. Структурная особенность Черта, которая более тесным образом связана с выполняемой им функцией, заключается в том, что он является «неизвестным в неопределенном уравнении» и при этом в конкретных перевоплощениях принимает самые примитивные формы отрицательных персонажей в «человеческой комедии». С процессуальной точки зрения Черт представлен как субъект, которым движет конфликт между стремлением к добру и обязанностью функционировать, создавая пакости. Генезис его неизвестен, да он и не очень важен: важно только то, что создан до времени и создан отрицать.